

Вилен Иванов

Библиотечка юбиляра

ЮБИЛЕИ

(ЗАМЕТКИ СОЦИОЛОГА)

Москва
2015

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
И20

Иванов В. Н.

И20 Юбилеи (заметки социолога). — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2015. — 84 с.

ISBN 978-5-906787-92-7

Книга посвящена малоизученному, но безусловно важному явлению в образе жизни наших современников — юбилеям. Автор, известный социолог и литератор, перешагнувший недавно рубеж восьмидесятилетия, в шутливой (ироничной) и нешутливой (строгой) форме делится своими воспоминаниями и сообщениями о юбилеях и обосновывает при этом необходимость теоретического осмысления последних с позиций социологической науки, раскрывает различные аспекты юбилейного «священнодействия», напоминает о некоторых вечных проблемах бытия, понимание которых приходит только с годами.

Существенным дополнением к рассуждениям автора являются его стихи, заставляющие читателей задуматься о многом, прямо не связанном с юбилеями, но раскрывающем важные моменты, о которых следует помнить, подводя итоги прожитого и пережитого.

Книга адресуется широкому кругу читателей.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906787-92-7

© Иванов В. Н., 2015
© ИПО «У Никитских ворот»,
оформление, 2015

*Посвящается коллегам-социологам,
достигшим полного «совершеннолетия»*

От автора

Как-то, читая очередной номер журнала «Новый мир», я обнаружил такой пассаж: «Мне никогда не были интересны жанры в чистом виде. Хотелось смешения, пуганицы, переплетения стилей и направлений¹». Автор — известный писатель и музыкант Тим Скоренко. Меня обрадовали и ободрили его слова, и я сказал себе: «Можно!» И в результате появилась эта книга, отражающая подобный подход смешения в процессе раскрытия содержания такого неординарного явления в жизни наших современников, каким является юбилей.

¹ См.: Книжная полка Тима Скоренко. Новый мир, 2015, №3, с. 202.

«Социология» юбилеев

Что такое в нашей жизни юбилей?
День рождения (круглый), день признания,
День придуманного кем-то ликованья
В честь виновника для близких и друзей —
Что такое все же юбилей?

Человек живет привычной, размеренной, полной банальных и небанальных забот жизнью, и вдруг как снег на голову — круглая дата (причем весьма весомая). И сразу возникают вопросы: неужели так много, сколько осталось, а за ними — что делать (отмечать или не отмечать), с кем, когда, сколько, а может быть, не надо, пройдет дата незаметной и т.п.

Но параллельно возникают вопросы и у друзей, и у коллег: как отметить круглую дату близкого человека. Вопросы становятся общими, к их решению присоединяется всё большее количество людей и празднование юбилея становится неизбежным.

Однажды, на одном из очередных юбилеев, то ли в шутку, то ли всерьез известный российский социолог член-корреспондент РАН Н. И. Лапин заметил: «Юбилеев стало так много, что пора разрабатывать специальную теорию — социологию юбилеев».

Разумеется, феномен юбилея сам по себе заслуживает серьезного внимания. Когда я говорю «серьезного» — это не означает лишнего юмора. Последний просто необходим (и не только на юбилее).

Если включить «социологическое воображение», то, рассуждая о подобной теории, можно попытаться определить ее основной «каркас»². Знаменитый американский социолог Ч. Р. Миллс, автор термина «социологическое воображение», понимал под последним мастерство критически мыслящего

² В обсуждении с коллегами профессорами З. Т. Голенковой и Н. П. Нарбутом идеи создания теории юбилеев последний предложил термин «юбилеология». Дай Бог, приживется.

интеллектуала, отмечая: «Одно дело толковать об общих проблемах на национальном уровне и совсем другое — сказать конкретному человеку, как следует поступать». Как следует поступать в ситуации юбилея: твоего, коллеги, родственника и т.п.

Объектом такого рода теории мог бы стать юбилей как феномен образа жизни индивидов.

Предметом — подготовка, проведение и последствия юбилея.

Эмпирическая база — воспоминания о своих и не своих юбилеях, литература по данной теме³.

Методы получения новых знаний — активное участие в юбилеях и сравнительный анализ (больше, лучше, веселее). Конечно, не исключаются и все остальные. Следует подчеркнуть, что, применяя сравнительный метод для характеристики содержания и формы юбилея, следует избегать крайностей. Примером тому может быть предпринятая известным театральным деятелем Александром Ширвиндтом попытка определить юбилей методом сравнения. «Чем юбилей отличается от панихиды? — спросил А. Ширвиндт. И ответил: — Никто не завидует, и на одного пьющего меньше». Несомненно и то, что дифирамбы, панегирики, тосты в адрес юбиляра не должны быть похожи на некрологи. Не следует ораторам злоупотреблять глаголами в прошедшем времени.

В социологии юбилеев в качестве ее неотъемлемого элемента должна присутствовать система показателей, характеризующих качество подготовки и проведения юбилейного торжества: количество участников, поздравления «сверху» и «снизу», настроение и самочувствие юбиляра и участников

³ Стихи, эпиграммы особенно, могут также сыграть роль «строительного материала» в процессе создания социологической теории юбилеев, дополняя ее эмпирическую базу. К тому же стихи лучше всего передают самочувствие юбиляра, его настроение и ожидания.

юбилея, подарки, отзывы в СМИ, отзывы участников, воспоминания и т.п., характер пожеланий юбиляру, хотя на всех юбилеях они стереотипны, но, как говорят, есть нюансы, они-то особенно и интересны (пожелания новых званий, книг, побед, удач, наград, увлечений и т.п.), и что превалирует при этом.

Наверное, есть необходимость определения норм и правил поведения на юбилее с учетом возраста участников, их служебного статуса, их профессиональной и прочей близости к юбиляру.

Основная гипотеза — юбилей дело нужное и приятное во всех отношениях (или просто приятное — как вариант). В доказательстве обычно не нуждается, но для порядка должна быть обозначена.

Если эту схему наполнить содержанием, то есть шанс получить первый вариант новой теории — социологии юбилеев. Ясно, что это будет теория среднего уровня (теория, изучающая отдельные фрагменты социальной реальности). Ее аналогом может быть теория группового поведения.

Социология юбилеев — это осмысление связанных с ними деяний: до, на и после юбилея (подготовка, проведение, последствия).

Заглянув в энциклопедию или в словари, мы найдем определение юбилея как годовщины в жизни человека, коллектива, страны или годовщины какого-то значимого события в истории народа и государства. Обычно юбилеи принято отмечать через каждые десять лет: пятьдесят, шестьдесят, семьдесят и т.д. Возможны и более крупные отрезки времени: сто, двести, тысяча лет. Например, тысячелетие государства Российского, или тысячелетие крещения Руси, или пятьсот лет книгопечатания и т.п.

Юбилей — это еще и подведение итогов, осмысление пройденного пути, оценка совершенного и несовершенного, побед и достижений, поражений и неудач.

Конечно, это и размышления о будущем, в том числе о неизбежном финале. Последнее несколько омрачает юбилейные торжества, но и придает им большую весомость, поскольку возникает невольно мысль: а будет ли следующий юбилей?

Очевидно, есть необходимость в понятийный аппарат будущей теории ввести в качестве одного из основных понятие «юбилейное торжество» (юбилейный праздник). Предлагаю в качестве первого «взноса» такое: юбилейное торжество — это неформальное, неустойчивое, разностатусное, разнополюсное, эмоционально окрашенное взаимодействие по случаю...

Как показывает опыт, проведение юбилея на должном организационном уровне предполагает своевременное составление сценария. Отсутствие последнего может привести к некоторым недоразумениям и даже вызвать недовольство со стороны участников юбилея. Помню, после празднования своего 70-летия я получил по электронной почте письмо следующего содержания:

На юбилее Иванова
Мне тамада не предоставил слова,
Но я об этом не скорблю,
Я юбиляра искренне люблю.
И пусть с невольным опозданием
И на другом теперь собрании
Об этом я смогу сказать
И принародно пожелать
Ему позиций не сдавать
На радость девушек и дам,
Неравнодушных к прозе и стихам,
Написанным и изданным сенсеем
(Не только накануне юбилея),
Пусть он душою не стареет,
Пусть ждет его во всем удача,
Он для науки много значит
И много значит для друзей,

И к черту всякий юбилей!
И общий вывод мой таков:
Живите вечно, Иванов!

Я установил без большого труда автора письма и извинился перед ней за промах тамады. А письмо с согласия автора опубликовал вместе с другими пришедшими по почте поздравлениями во втором издании книги «Социологическая лирика».

Социология юбилеев должна не только объяснить характер и способы взаимодействия участников юбилейного торжества, но и предложить методике составления надежного прогноза как проведения самого юбилея, так и его возможных последствий, некоего «послевкусия».

Наверно, в какой-то мере важен вопрос, где проводить юбилейные торжества. Мои коллеги по ИСПИ РАН отмечали, например, свое 80-летие: академик Осипов Г. В. в храме Христа Спасителя, доктор экономических наук Рогачев С. В. в Доме журналистов, доктор философских наук Капто А. С. в Центральном доме ученых, старший научный сотрудник Афанасьев В. А. в здании института. Каждый из названных вариантов был по-своему хорош, и это, пожалуй, единственный вывод, который я могу в предварительном плане сделать в этой связи.

Социология юбилеев должна предложить также принципы их классификации (где, когда, с кем, юбилей на работе, юбилей дома, юбилей с друзьями, с сослуживцами и т.п.). Конечно, это дело будущего. Уверен, что найдутся энтузиасты, которые с охотой займутся этим делом.

Наверное, можно говорить об оптимистическом и пессимистическом (точнее, фаталистическом) взглядах на юбилей. Напрашивается его сравнение с Новым годом, который встречают радостно, не задумываясь о том, что каждый канувший

в Лету год приближает человека к завершению его жизненного пути.

Юбилей — это «праздник-микроскоп» с установкой увидеть позитив в жизнедеятельности юбиляра. Это — в известном смысле и момент истины (прежде всего для него самого). Появляясь на определенном этапе жизни индивида, юбилеи становятся своеобразными точками отсчета и анализа. Вспоминается великий Данте: «Земную жизнь пройдя до половины...» и т.д. Наверно, Данте не случайно обозначил возрастной рубеж, с которого можно постичь сложный мир человеческих отношений, страстей, страданий, воздаяния⁴.

От юбилея к юбилею
Мы все становимся мудрее,
А может быть, наоборот,
Кто это дело разберет?

Объективно человек, накапливая знания, жизненный опыт, может претендовать на мудрость. И вместе с тем на одни и те же грабли он наступает с прежним (если не с большим) усердием.

Юбилей имеет и некоторый познавательный аспект. Внимательные его участники узнают обязательно что-то новое о юбиляре и его окружении. Как заметил в свое время Ортега-и-Гассет: «Мы ощущаем нашего соседа, но не знаем его»⁵. Юбилей в какой-то мере позволяет исправить ситуацию.

Юбилей — это праздник-напоминание о том, что «ничто не вечно под луной» и что время завершения земного пути имеет явную тенденцию приближения.

Являя провидению покорность,
Не вижу смысла отрицать:

⁴ См. Данте. Божественная комедия. Ад. М.:1974 г., с. 19.

⁵ См. Хосе Ортега-и-Гассет. Этюды о любви. М: 2003 г., с.226

Финал теряет иллюзорность,
И мне, наверное, его недолго ждать.

Юбилей — это, в известном смысле, зеркало существующих в обществе на данный исторический момент нравов. Нравы, как отмечает академик РАН А. А. Гусейнов, «регулируют поведение на людях и держатся прежде всего на соображениях чести и приличия, которые всегда имеют конкретный и прочувственный характер»⁶. Под защитой нравов находятся устоявшиеся формы поведения людей в стандартных ситуациях. Юбилей — это тоже некая стандартная ситуация как по замыслу, так и по способам его реализации. Данный аспект тоже представляет несомненный исследовательский интерес.

Юбилей — это и своеобразный акт милосердия со стороны близких юбиляру людей (семья, друзья, социокультурная группа). Человек взял серьезный возрастной рубеж, за которым все отчетливее начинается просматриваться перспектива финала. Помочь адаптироваться к новой жизненной ситуации, поддержать, воодушевить — задачи, решаемые на юбилее.

Как показывает опыт, хорошо, когда на юбилейном торжестве присутствуют люди разных возрастов, без явного преобладания какого-то одного (например, одноклассники юбиляра). Это повышает градус общения, уровень взаимного интереса участников юбилея друг к другу.

Юбилейные торжества имеют в нашей стране давние традиции, что, однако, не исключает известной инновативности в их проведении, более того, предполагает последнюю.

Особое место принадлежит на юбилее юмору. Наряду с музыкой, поэзией, он способен повлиять

⁶ См. подробнее: А. А. Гусейнов. Апология скандала. В кн. Скандал как форма коммуникации. М: 2012 г., с. 30.

на настроение участников торжества, сблизить их, сделать более раскованными и откровенными. Как верно заметила Елена Богатырева: «Шутки социологичны, и они предполагают определенный круг, которому они будут понятны. И в то же время для этого круга они являются объединяющим началом»⁷.

На юбилее, как правило, пользуются успехом у присутствующих наделенные пародийным смыслом тексты. Но все должно быть в меру. Пародируя, следует избегать бестактности.

На второй (неформальной) части юбилейного торжества уместны и анекдоты. Они закрепляют атмосферу раскрепощения. Начинается, как правило, соревнование: кто больше и кто смешнее. Важно не забыть при этом о юбиляре и учесть его реакцию на происходящее. Здесь, безусловно, важную роль играет тамада (модератор). Дабы избежать анекдотической ситуации, когда под конец свадьбы спрашивают у жениха, что он здесь делает.

В общем, для социологии юбилеев есть достаточно материала. Осмыслить, выстроить, сделать достоянием широких читающих масс — задача посильная и вполне увлекательная. Хотя допускаю, что могут быть другие точки зрения.

Идею создания социологии юбилеев можно обосновать и ссылкой на отца-основателя социологии Э. Дюркгейма: «В действительности существует столько отраслей социологии, сколько частных социальных наук, сколько существует разновидностей социальных фактов»⁸. Наверное, никто не будет возражать, что юбилей — это тоже социальные факты, наполненные интересным эмоционально окрашенным содержанием. Говоря о природе социальных

⁷ См. Елена Богатырева. Над чем смеемся. В кн. Феноменология смеха. М., 2002. С. 103.

⁸ См. Эмиль Дюркгейм. Социология. М., 1995. С. 274.

фактов, Э. Дюркгейм подчеркивал, что «они состоят в способах действий или мышления, распознаваемых по тому свойству, что они способны оказывать на отдельные сознания принуждающее воздействие. При этом для последнего характерна обусловленность «престижем», которым наделяются некоторые представления»⁹.

Престиж, как известно, весьма многогранное понятие, включающее в себя и уважение, и очарование, и влияние, и авторитет и т.п. В наше время все, что связано с престижем, выступает как значимая ценностная ориентация в повседневном поведении индивидов, особенно относящихся к так называемой элите.

Можно сослаться также на еще одного классика социологии — Питирима Сорокина, говоря его словами, социология юбилеев может стать одной из разновидностей «теории должного поведения»¹⁰ в конкретной жизненной ситуации, то есть в ситуации юбилея.

Изложив соображения за создание социологической теории юбилеев, следовало бы выслушать и соображения против, но их обоснование в мою задачу не входит.

Для будущих исследователей этой интересной и вполне социологической темы я могу предложить с целью пополнения ее эмпирической базы свои заметки и соображения о своих же юбилеях.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ См. подробнее: П. Сорокин. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1. С. 43.

Юбилейная ретроспектива (информация для обобщения)

Юбилей? — веселый праздник,
Многих прочих поважней,
Он по сути очень разный,
Коль случится — не робей!

В. Н. Иванов (Москва)

Чем больше юбилеев, тем радостнее жить.

А. В. Иванов (Новочеркасск)

Довольно долго я относился к юбилеям отрицательно, не видя в них большого смысла. Свой первый серьезный юбилей, мое пятидесятилетие, я решил провести на научно-практической конференции в городе Грозном Чечено-Ингушской автономной республики. Конференция готовилась по предложению руководства республики, в частности, председателя Верховного Совета ЧИАР Хажбикара Бокова. Институт провел опрос экспертов в республике и даже успел выпустить сборник материалов «для служебного пользования». Казалось бы, все было готово. Накануне мне позвонил вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев и поинтересовался, как я собираюсь отмечать свой юбилей. Я ответил, что докладом на конференции. Мой ответ ему понравился, и он сказал, что хорошо бы это ввести в традицию. Были уже взяты даже билеты на самолет. Но, как говорил незабвенный Швейк: «Все было хорошо, пока не вмешался генеральный штаб». В роли генерального штаба выступил председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников, выразивший неудовольствие по поводу того, что не был предупрежден заранее о готовящейся конференции. Об этом сообщил мне завсектором отдела науки и высших

учебных заведений ЦК КПСС Д. П. Грибанов. Билеты пришлось сдать и в темпе провести заседание ученого совета, на котором сделать небольшой доклад о моем «боевом пути» и выслушать поздравления от коллег и от начальства, представленного членом бюро отделения философии и права член-корреспондентом К. И. Микульским.

В таком же примерно ключе прошло и мое шестидесятилетие, но уже в новом институте (ИСПИ РАН) и в новом служебном статусе (замдиректора института). Состоялось небольшое застолье в кабинете директора академика Г. В. Осипова, и после поздравлений — «за работу, товарищи». Но неожиданно приехал из Полтавы мой младший брат Владислав, привезший с собой горилку «з перцем» и кое-что еще к ней. Празднество продолжили в моем подопечном отделе в Борисоглебском переулке. Через какое-то время появились там мои бывшие сослуживцы по Военно-политической академии им. В. И. Ленина, и среди них мой однокашник по адъюнктуре генерал-майор В. Д. Королев, с которым меня связывало в свое время очень многое. И уж совсем неожиданно появились двое сотрудников департамента межнациональных отношений правительства Москвы, вручили мне приветственный адрес и выразили пожелание продолжить успешно начатое сотрудничество. Включиться в производственный процесс в этот день уже не удалось.

Верный своей жизненной установке, я решил свое 65-летие отметить участием в международной конференции в Улан-Удэ, которую мы готовили вместе со своими югославскими коллегами. Конференция прошла, как говорится, на высоком идейно-теоретическом уровне. Бурятские коллеги сделали все, чтобы наши югославские гости остались довольны своим визитом в республику. Завершала конферен-

цию поездки на озеро Байкал. И здесь неожиданно для меня на вечернем застолье начались поздравления и всяческие иные юбилейные пожелания. Оказалось, мой коллега по Академии социальных наук вице-президент М. И. Козин предупредил руководство республики о моей юбилейной дате. От имени президента Бурятской республики Л. В. Потапова мне была вручена картина местного художника на байкальскую тему, звучали поздравления, тосты, песни. Особенно мощно звучал голос директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии (будущего член-корреспондента РАН) Бориса Вандановича Базарова. За столом царил какой-то очень теплая, дружеская атмосфера. Впервые у меня появилась мысль, что юбилей — дело стоящее. Возможно, еще и потому, что «повзрослел» и как-то явно ощутил бег времени. Я сделал вывод:

Не относиться к юбилеям настороженно,
Тем более — не отрицать,
Понять, прочувствовать, признать
И отмечать, когда положено.

И уже к своему семидесятилетию я начал готовиться заранее.

Первым делом я решил провести некоторую «инвентаризацию» своих стихотворений. Получился довольно приличный (по объему) сборник, который под названием «Избранное» я издал к этой дате. Основным научным трудом, создание которого потребовало много времени и сил, была «Социологическая энциклопедия», где мне была отведена роль главного редактора и автора ряда статей. Вышли и другие книги и статьи. Накануне юбилея ко мне обратилась главный редактор молодежного журнала «Фонограф» Кира Сергеева с просьбой дать интервью. Я согласился и честно ответил на все ее во-

просы, к тому же «разбавил» их стихами. Буквально через несколько дней интервью было опубликовано отдельной брошюрой под названием: «Вилен Иванов — жизнь-горение». Это был первый юбилейный подарок, за который я выразил Кире Владимировне искреннюю благодарность. Но главным оставалось желание провести юбилей на хорошем уровне, собрать коллег и друзей и сделать для них праздник. 6 июля 2004 года они собрались в Красном зале академического здания на Ленинском проспекте. В президиуме собрания: руководитель отделения философии, социологии, психологии, политологии и права академик В. С. Степин, научный руководитель Института социально-политических исследований РАН академик Г. В. Осипов, директор этого же института член-корреспондент В. Н. Кузнецов, юбиляр и его супруга Елена Константиновна, председатель координационного совета Ассамблеи народов России Р. Г. Абдулатипов, председатель правления Московской городской организации Союза писателей России В. Г. Бояринов. Председательствует В. Н. Кузнецов. Речи, поздравления, награды, подарки, в числе последних даже написанный заслуженным художником России Святославом Гуляевым мой портрет. Р. Г. Абдулатипов, вручая мне золотую медаль Ассамблеи народов России, заметил, что эта медаль за 14 номером, медалью за номером один награжден президент России В. В. Путин. Переходим в Зимний сад, вечер ведет заслуженный артист РФ Артем Каменский, очаровавший всех своими поэтическими импровизациями. Звучит волшебный голос заслуженной артистки РФ Веры Берадзе, тосты, пожелания, песни.

Следует подчеркнуть, что на атмосферу юбилея особое влияние оказывают стихи. Для примера хочу привести прозвучавшие на моем 70-летию стихотворения:

В. Н. Иванову

Пусть будет счастьем
Ваша жизнь полна,
И лет Вам нечего бояться,
Но помнить Вы должны всегда:
«Мои друзья — мое богатство».

Владимир Мартыненко, доктор политических наук

Юбиляру — В. Н. Иванову

Когда за семьдесят годков,
То ты — среди глухих дедков,
Ты не бушующий вулкан,
Ты просто старый истукан,
Но это все — не наш Вилен,
Его задор и пыл — не тлен.

Леонид Рыбаковский, доктор экономических наук

Члену-корреспонденту РАН В. Н. Иванову

Быть скромным надобно, но в меру,
И в час, когда приходится решать,
Кем стоит быть, кому поверить,
Свой шанс не надо упускать!

Михаил Руткевич, член-корреспондент РАН

В. Н. Иванову

Позвольте нам в сей славный день
Сказать Вам слово поздравления.
Нам славословить Вас не лень
В день юбилейного рождения,
В науку проложив свой путь,
Вы по нему идете верной
(Как бы сказал нам кто-нибудь)
Дорогой! Это достоверно,
Вы и ученый, и поэт,
И муж, и человек прекрасный.

Дай Бог Вам жить еще сто лет
С душой и головою ясной,
Нам Вам в любви признаться — счастье,
Пусть солнце светит Вам всегда,
Пусть сгинут напрочь все ненастья,
Все остальное — орунда.

*С глубоким уважением, директор ИКСИ,
ИСИ, ИС д.ф.н., профессор В. А. Ядов*

О юбиларе

Со времен библейских Иоанна
Плодятся на Руси Иваны,
Чтоб славить в поколениях новых
Могли Россию Ивановы, —
Ковать мечи или орала
Стихами и научной прозой
Без ложных пафоса и позы
И слов духовностью нетленной
Преображать сей мир вселенный.
Лишь пришлым не дано понять
Всю глубь истоков сокровенных,
Что может собственных Виленов
Российская земля рождать!

Владимир Сергеев, доктор социологических наук

Пожелания юбиляру

Стихи у Вас во всем отличны,
Логичны, искренны, приличны,
Умны, нежны, патриотичны
И актуально-энергичны,
Я укорять себя устал,
Что мало раньше их читал,
Я Вам прилюдно обещаю,
Что непременно прочитаю.
Все, что еще не прочитал,
Я нынче же начну читать,
А Вам настойчиво желаю
Трудов своих не прекращать
И больше о любви писать,

Вниманья меньше эпиграммам,
А больше — девушкам и дамам,
Вы покорите сразу всех,
Вас стопроцентный ждет успех,
Вас с юбилеем поздравляю,
Жму руку, крепко обнимаю,
Как ветеран лирического фронта,
Ваш искренне — Владимир Ксенофонтов.

Владимир Ксенофонтов, доктор философских наук

**Руководителю и наставнику
Вилену Николаевичу Иванову
в день 70-летия**

Пусть седина, пусть вид слегка усталый,
Пусть жизни ноша тяжела порой —
В глазах я Ваших вижу прежний взгляд лукавый,
Вы, как и прежде, молоды душой...
Судьба нас собрала и разбросала снова,
И путь у всех нелегок и непрост,
Но мы — «птенцы гнезда Вилена Иванова» —
За Вас сегодня всюду поднимаем тост!
Бокал поднимем и стакан граненый
За семьдесят прожитых с честью лет,
За то, что Вы умом большой Ученый,
За то, что в сердце Вы — Художник и Поэт.

Александр Смагин, кандидат философских наук

Наши поздравления

Он первый поэт среди социологов
И первый социолог среди поэтов.

Мнение коллег и почитателей

Я говорю без лести и прикрас:
Пусть наша жизнь еще сурова,
Но Вы единственный из нас
Несете поэтическое слово
В непоэтическую толщу масс.

С годами бодрости у Вас не стало меньше,
И Вы по-прежнему любимец женщин,
Себе возьмите на заметку:
Готовы с Вами мы идти в разведку,
Доверить Вам решение проблем
И разработку новых сложных тем.
О юбилеях можете не вспоминать:
Вы молоды, а значит — так держать!
Еще не раз Вы удивите всех.
Я поздравляю Вас от имени коллег
И многочисленной московской профессуры.
Ваш бывший аспирант Закир Гафуров.

Закир Гафуров, доктор философских наук, полковник

Вилену Иванову, полковнику и поэту

Пусть ты, мой друг, не Поль Верлен,
Но похвалы вполне достоин,
Ты больше чем поэт, ты — воин
И можешь взять кого угодно в плен.
Не надо только бы тебе лениться —
О нежных музах забывать,
Почаще надо бы за стол садиться
И о любви стихи писать,
И пусть тебя на новый хит
Твой прежний опыт вдохновит.

*Владимир Королев,
доктор экономических наук, генерал-майор*

Вилену Николаевичу Иванову,

*«обэпиграммившему» весь институт.
Увидев в книге Вилена Николаевича Иванова
такую редкую форму поэтического творчества,
как эпиграммы, я почувствовал, что нашему автору
так не хватает дружеского взгляда со стороны,
и потому попытался написать эпиграмму на него самого*

Певец героев ИСПИ РАНа,
Поймавший Музу в сладкий плен,

Бди каждый — поздно или рано
К тебе придет членкор Вилен.

Вячеслав Локосов, доктор социологических наук

В. Н. Иванову — юбиляру

Вы сочинитель эпиграмм
И большой поклонник дам,
Но вот, скажу, какая штука —
Ведь дама главная для Вас —
Наука!

В. А. Побережная

Эти стихи, как прозвучавшие на юбилее, так и присланные по электронной почте, пронизанные искренним дружелюбием и юмором, не могли оставить меня равнодушным, не могли не понравиться моим друзьям.

На своем семидесятилетии я тоже читал написанные к этой дате стихи. Стихотворение «Что впереди?» я в последующем опубликовал во втором издании книги «Социологическая лирика».

Что впереди? *(Речь юбиляра)*

Неожиданно мне семьдесят исполнилось,
Пятьдесят из них — стране служу,
Многое сегодня мне припомнилось,
Я об этом многим расскажу,
Расскажу о том, что наболело,
Честно так скажу, коллеги, вам —
Все, что мог, — я для науки сделал,
Дальше все пойдет по мелочам.
Дальше будут сплошь воспоминания —
Есть, конечно, что повспоминать,
И вослед идущим в назиданье
Можно будет что-то подсказать.
В этом тоже есть своя отрада:

Рассказать о тех, кто был с тобой,
Кто прошел по жизни в ногу, рядом,
Став твоей опорой и судьбой.
В общем, на печи лежать не буду я,
Лень свою и хвори сокрушив, —
Вместе с вами что-нибудь придумаю
Непременно, если буду жив.

Если опросить участников юбилея (метод углубленного интервью), то можно было бы получить интересный материал для эмпирической базы социологии юбилеев. Ее существенно дополнить могли бы и мои стихи, написанные в этой связи (метод контент-анализа). Мною же была сделана первая по существу попытка рассказать о юбилее в прозе и в стихах: под впечатлением проведенного юбилея я издал небольшую книжицу под названием «До и после юбилея».

В семидесятилетие я впервые услышал «звуки колокола» и понял, по ком он звонит. Эти новые для меня ощущения получили отражение в стихах. Я написал на эту тему небольшой поэтический цикл под названием «Апология финала» и включил его в книгу «Откровения». За него я подвергся критике со стороны своих близких, признавших его чрезмерно пессимистическим.

Свой 75-летний юбилей я отметил в доме Ростовых (помещение Международного сообщества писательских союзов). Помощь в его организации мне была оказана со стороны руководства Московской городской организации Союза писателей России (председатель правления МГО СПР В.Г. Бояринов и его заместитель А. А. Оганян).

К этой дате удалось издать книгу воспоминаний «Ad rem» (записки юбиляра) и сборник стихов «Я люблю тебя, жизнь». Юбилей прошел, как говорится, в теплой, дружеской обстановке, без больших формальностей и славословий. Завершился дружным исполнением популярных песен.

К своему восьмидесятилетию я готовился во всеоружии накопленного опыта. Дата более чем серьезная, и предстояло подумать о серьезном подведении итогов (с робкой надеждой, что промежуточных). Естественно возникло желание издать книгу, но не просто книгу воспоминаний, подобная книга под названием «Моя эпоха. Люди и события» была уже издана, хотелось написать книгу о главном в моей профессиональной деятельности, а главным была работа в должности директора Института социологических исследований АН СССР. Именно на эту тему я написал к юбилею книгу «Социология в СССР. Записки директора института». Время моего директорствования (март 1983 — сентябрь 1988 года) — это время завершения процесса возрождения социологии как самостоятельной науки в нашей стране, и я надеялся, что мои воспоминания будут интересны, особенно молодым, идущим в науку социологам.

К юбилею удалось также издать две книги стихов: «Четвертушки» (о нашей сегодняшней жизни) и книгу «О любви. Феномен. Коллизии. Финалы». Издание последней долго вызывало у меня сомнения: есть ли смысл поднимать эту тему к такой «серьезной» дате? Но мои коллеги по перу и, в первую очередь, президент Академии литературы С. Н. Лебедев, убедили меня в том, что сделать это нужно. В итоге все три книги вышли накануне юбилея.

Сам юбилей, по отзывам его участников, прошел вполне благополучно.

Запомнились выступления директора ИСПИ РАН академика Г. В. Осипова, отметившего, в частности, что за многие годы нашей совместной работы мы с ним ни разу не поссорились. Я думаю, что в этом заслуга прежде всего Геннадия Васильевича, которого всегда отличало внимательное и доброже-

лательное отношение к сотрудникам Института, и я, как его заместитель, не являлся исключением.

В приветствии директора Института социологии РАН академика М. К. Горшкова было обращено внимание на те добрые дела, которые были совершены в годы моего директорствования.

Много было сказано добрых слов в мой адрес в выступлениях бывшего начальника ВПА им. В. И. Ленина генерал-полковника Н. Ф. Кизюна, директора Института психологии РАН член-корреспондента А. Л. Журавлева и его заместителя член-корреспондента А. В. Юревича, представителей Культурного центра Российской армии полковников Э. Б. Родюкова, В. Ф. Бондаренко, В. В. Попова.

О моем творчестве на поприще литературы сказал в своем эмоциональном выступлении секретарь Союза писателей России, президент Академии литературы С. Н. Лебедев, вручивший мне к тому же диплом литературно-общественной премии «Литературный Олимп» и одноименную медаль.

Бурными аплодисментами было встречено выступление Степана Андреевича Тюшкевича, 97-летнего доктора философских наук, участника Великой Отечественной войны, генерал-майора, моего преподавателя философии в годы моей учебы в ВПА им. В. И. Ленина на факультете ракетных войск стратегического назначения.

В своей ответной юбилейной речи я сердечно поблагодарил всех выступавших, прочитал подготовленные к этой дате стихи, в большинстве своем лирического характера. Но не удержался и прочитал кое-что на злобу дня. «Злобу» составляли стихи, связанные с осуществляемой реформой РАН. Приведу некоторые из них.

Сюрприз

Такого еще не было на свете
И не придумано в кино,
Казалось, академики не дети,
Но в дядьки им назначили ФАНО¹¹.

РАН и Д. Медведев

В недоумении читающий народ:
В чем все-таки наука виновата,
Неужто в том, что слава Герострата
Премьеру нашему покоя не дает?

Под властью ФАНО

Какой о нашей жизни сказ,
Мы больше жертвы, чем виновники,
Такое ощущение, что нас
С усердием насилуют чиновники.

РАН и ФАНО

Чтоб не допустить застоя,
Наш запрос к ФАНО таков:
Дайте денег, Котюков,
И оставьте нас в покое.

После торжественного заседания в Зеленом зале здания РАН (Ленинский проспект) все перешли в зимний сад, где празднование продолжалось, но уже в другом формате.

Ощущения юбиляра накануне, на самом юбилее и после него получили отражение в стихах.

¹¹ *ФАНО* — Федеральное агентство научных организаций. Создано в соответствии с Законом о реформе РАН, инициированным правительством Д. Медведева, с целью освободить академические институты от хозяйственной деятельности, и освободившее их к тому же и от научного руководства исследованиями, погрузив в пучину многочисленных отчетов. М. М. Котюков — руководитель ФАНО.

Накануне

Милая, мне скоро стукнет тридцать.

Сергей Есенин

Милая, мне восемьдесят скоро,
Интересный возраст, согласись!
Личный опыт поднимает ввысь,
И совет не вызывает спора,
И дела не то чтобы плохи,
И порой случаются стихи,
И любовь дается как награда,
Дивный возраст, возраст — то, что надо!

Предвосхищение

Я на прошлоезираю без укора,
Время подошло года считать,
Детство кончилось: мне восемьдесят скоро,
Буду поздравления принимать.

На юбилее

Восьмидесятый день рождения,
Тону в улыбках и цветах
И в бесконечных поздравлениях
И чувствую друзей волнение,
Свое невольное смущение
И небольшой пред неизбежным страх.

Ответ юбиляра

«Неужели Вам и вправду столько лет, —
Мой ответ с особым ждут вниманием, —
И к тому же Вы ученый и поэт
И даже ходите порою на свидания?»
Я отвечаю: иногда бывает,
Стихи и прозу скучную пишу,
Но на свиданья не хожу:
Жена, увы, не отпускает.

А годы? Я их бегу рад,
Хотя бегут быстрее, чем прежде,
И я живу в большой надежде,
Что бег они не прекратят.
Таков ответ, он прям и прост,
Я так коллегам отвечаю
И за любовь провозглашаю
На всех застольях главный тост.

Юбилейное

Мой юбилей. Иду вразнос,
Мне все вокруг и дороги и любви,
И женщин всех подряд целую в губы,
Какой с меня сегодня спрос?

Когда мы были молодые

Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли...

Юнна Мориц

Была молодость, и глупости, и шалости,
Говорю от дел мирских устав,
Все ушло, но глупости остались,
Изменился только их масштаб.

Проходит время

Проходит время бурных шалостей,
И это вызывает грусть,
Ложился с ощущением усталости
И с этим ощущением проснусь,
Прошло, наверно, время шалостей.
Прошло, конечно. Ну и пусть.

Коллизия

Смотрю на собственное тело
И вижу: тело постарело,

А что душа? — не знаю даже,
Душа, скорей всего, все та же.

Старик

Мне кажется, что все идет по-прежнему.

Яков Хелемский

Порою кажется, что многое как прежде,
В пороховницах порох есть пока,
И чувства добрые, и сильные, и нежные
Переполняют сердце старика.
Я к слову этому, признаться, не привык,
Оно всегда далеким мне казалось,
И понимание того, что я старик,
Во мне еще не состоялось.
И я, наверно, долго не пойму:
Зачем мне нужно привыкать к нему?

«Заботливые»

С большой заботой и любовью
Мне задают вопрос порой:
«Как Ваше драгоценное здоровье?» —
А слышится: «Вы всё еще живой?»

О сексе

Думаю об этой теме вечной
И о том, что связывал я с ней,
Секс хорош — раскованно-беспечный
И в обычный день, и в юбилей.

Из прошлого

Далекие, милые были...

Сергей Есенин

Я вспоминаю юные года,
Танцульки в клубе, косы, бантики

И мы, влюбленные романтики,
Не повторится это никогда.

Оптимист

С. В. Р.

Недавний юбиляр и тих, и осторожен,
И стороной обходит смелых дам,
Но доказать вчера пытался нам,
Что секс и в старости возможен.

Сандуны

Я знаю: выводы мои верны,
В мои года — лекарства не нужны,
И более того — они вредны,
Как хлопоты пустые и мытарства,
И я решаю: выбросить лекарства,
Звоню друзьям и — едем в Сандуны.

Ожидание

Ожиданье чего-то — не знаю чего — продолжается,
Что-то хочется главное хоть напоследок понять,
И без грешного умысла нежную деву обнять,
И пред Господом без промедленья покаяться.

Старость

Живем, скришим. И медленно седеем.

Дон Аминадо

Как время из людей веревки вьет,
Как их уродует и как корёжит,
Бывает, друг тебя не узнает,
И ты его порою тоже.
Но жизнь и в старости бывает хороша,
Есть поводы для радости и смеха,
Все потому, что молода душа

И старость счастьем не помеха.
А то, что внешне ты уже не тот,
Так с этим надо примириться,
И если друг тебя не узнает,
Не надо не него сердиться.
Ничто не вечно под луной,
Мы это осознать сумели.
Что остается нам с тобой?
— Смириться с тем, что есть на самом деле.

Мечты

Я говорю с особенным азартом,
Что хорошо бы снова сесть за парту,
Чтобы хотя бы на какие-то моменты
Себя почувствовать студентом.
И сбросить груз забот и лет,
И вновь искать на все ответ,
В гранит науки вновь вгрызаться
И снова в девушек влюбляться —
Все это было б гениально,
Но, к сожалению, нереально.

Мудрость

«Не надо подставлять борта», —
Говаривал начальник наш в погонах,
Мысль эта удивительно проста
И обоснованно ясна,
И возражать ей не было резона.
И мы, конечно, ей не возражали,
Но вот прошли военные года,
И мы с тобой теперь признали,
Что удавалось это не всегда,
И потому в борта торпеды попадали.

Признание «ветерана»

Годы сделали дело.

Сергей Есенин

Служению любви отдал я много лет
И нынче ухожу со «службы»,
Перевожу любовь на дружбу,
И сожаленья есть, и сожалений нет.

Ночные грезы

Ночами думаю: неужто это я
Ходил когда-то в самоволку
К замужней женщине,
Порой без толку,
Но что-то вновь влекло меня,
Неужто это делал я?
И, прошлые проказы вспоминая,
Не верю в них и... засыпаю.

Мои ученики

Моим ученикам уже под шестьдесят,
Но я смотрю на них, как прежде, строго,
Их достижениям несказанно рад,
И предстоит еще им сделать много,
И впереди у них широкая дорога,
И все же жаль, что им под шестьдесят.

Изумление

Года шалунью рифму гонят...

А. С. Пушкин

Мне говорят порою с изумленьем:
Как можно в старости писать стихи,
Пора замаливать грехи,
А не испытывать друзей терпенье,

Читая им свои творенья,
Свои негромкие стихи.

Раздумья

Пусть кто-то скажет: что за пустяки,
Что за сомнения некстати,
А я все думаю, на что я жизнь потратил
И в чем мои ошибки и грехи.

Даешь столетие!

(Призыв юбиляра)

Бог дарует нам бессмертие
В наших детях и делах,
Потому в моих стихах
Лозунг есть: даешь столетие!
Лозунг мой совсем не шуточный,
Я его истолковал
Не как жизненный финал,
А как финиш промежуточный.

Подарок от юбиляра

В преддверьи праздничной пирушки,
Которую уже созвал,
Я книгу новую издал
С названьем детским «Четвертушки».

* * *

Жизнь коротка на этом свете,
И важен потому вопрос:
Что всё же в жизни удалось?
Не просто на него ответить.

Ушло легкомыслие

Ведь человек вполне может родиться с определенным настроением, но вот с серьезностью он никогда не рождается.

Сёрен Кьеркегор

Не будет больше приключений —
Другое время подошло,
Я отвечаю с сожалением,
Что легкомыслие ушло,
Мне говорят, что поздновато,
Уйти б ему пора давно,
Я отвечаю виновато,
Что так, наверно, суждено:
Перед концом грядущим грозным
Я стану, может быть, серьезным.

Сожаление

Воспоминаний столько набралось,
Что написать о них сегодня невозможно,
А было все так просто и так сложно,
И многое сбылось, и не сбылось,
И в памяти надолго задержалось,
Но воскресить в стихах не удалось.
И в этом жалость.

Завершение

Год юбилея завершился,
Я сделал всё, всё, что сумел,
И праздник вроде получился,
И я, как видно, уцелел,
И не зазнался, и не спился,
И, слава Богу, юбилей —
Такой длиннющий — завершился.

Постюбилейная «перспектива» (информация к размышлениям)

Summum nec metuas diem, nec optes.¹²

Не относитесь к жизни слишком серьезно — живым вам все равно из нее не выбраться.

Бернард Шоу

Интересным показалось выражение писателя Николая Крищука: «Живу как-то вспять»¹³. Иначе говоря, ухожу от привычного, сдаю позиции. Это тоже характерно для «послеюбилейного» жития. Конечно, может быть «вопреки», или «несмотря», или «наперекор», но это скорее исключение, чем правило. Один известный вахтанговский актер на своем восьмидесятилетнем юбилее сказал: «Когда мне исполнилось пятьдесят лет — я удивился. Когда исполнилось шестьдесят — я огорчился. Когда исполнилось семьдесят — я опечалился. Теперь, когда исполнилось восемьдесят, — я смеюсь». Весьма неординарная реакция, которой можно было бы позавидовать.

Движение вспять закономерно, но темпы его могут быть различны. Где-то можно и притормозить, в чем-то проявить неуступчивость. Но это при большом желании и при значительном усилии воли. Причина — старость, мысль о которой неизбежно возникает уже в преддверии не одного юбилея.

Возраст, как известно, «измеряют не годами, возраст — состояние души». Но это поэтическая метафора. Нужен более строгий для объяснения подход. Обнаруживаю в статье Анастасии Ермаковой целых два: западный и восточный. «Западный подход, —

¹² Не бойся последнего дня, но и не призывай его (*лат.*).

¹³ См. «Звезда», 2015. № 5. С. 244.

пишет автор статьи, — утверждает, что старение — неизбежное несчастье, и нужно пытаться как можно дольше не поддаваться ему, используя различные средства: от пластическо-косметических до морально-тренинговых, помогающих людям справиться со старением психологически. На Востоке старость — это прежде всего особый вид мудрости, закономерный этап духовного просветления, достойный итог жизни»¹⁴. Восточный подход выглядит явно предпочтительней. В ухищрениях «западников» ощущается какая-то суетливость и даже растерянность перед неизбежным физическим увяданием. Понять диалектику жизни, смириться с ней, найти особый смысл каждого нового этапа жизненного пути — такой подход и логичнее и достойнее. Вслед за проблемой старения идет, как правило, проблема жизненного финала, иначе говоря — смерти. Возникает желание посоветоваться со знающими людьми, уже что-то по этому поводу написавшими. По существу, речь идет о понимании феномена смерти и об отношении к ней.

Социологическое изучение образа жизни людей в разные времена и в разных странах предполагает, казалось бы, и необходимое внимание к этой теме. Однако следует признать, что такого внимания, по сути, оказано не было (и не только в отечественной социологии), что серьезно затруднило для меня ее истолкование. Из тех немногих работ, в которых эта тема раскрывается, обращает на себя внимание монография С. А. Андреевского, изданная издательством «Наука» в рубрике «Литературные памятники» и названная им «Книга о смерти».

«Нет в жизни ничего поразительнее смерти, — писал автор. — Она отрицает все, перед чем мы пре-

¹⁴ См. подробнее: Анастасия Ермакова. У жизни не бывает черновика. Дружба народов, 2013. № 5. С. 246.

клоняемся: гений, красоту, власть. Она делает наше отдельное существование таким бессмысленным, что, собственно говоря, каждому следовало бы сойти с ума от сознания, что он умрет. Но от этого никто с ума не сходит».

Автор говорит о том, что «природа нестерпимо умна» и людям мило то, что есть, прежде всего потому, что «преходимо». Он делает вывод, что «та жизнь, которую мы теперь так страстно любим, ни под каким видом не могла бы быть такою, как теперь, если бы не было смерти... И как ни странно, но следует сказать, что та жизнь, которую мы любим, создана не чем иным, как смертью»¹⁵. Смерть выступает в его трактовке как главный естественный механизм обновления жизни и смены поколений. Такой широкий социально-философский подход позволяет рассматривать смерть как «полезную неизбежность», хотя в личном плане и не приносит успокоения.

В ряде рассуждений С. А. Андреевского очевидна близость к высказываниям Платона в его диалогах, в частности, в его «Апологии Сократа». После вынесения Сократу смертного приговора он говорит о том, что «...неправильно мнение всех тех, кто думает, что смерть — это зло». И далее: «...ведь сколько есть оснований надеяться, что смерть — это благо. Смерть — это одно из двух: или умереть, значит не быть ничем, так как умерший ничего уже не чувствует, или же, если верить преданиям, это есть для души какая-то перемена, переселение ее из здешних мест в другое место. Если ничего не чувствовать, то это все равно, что сон, когда спишь так, что даже ничего не видишь во сне. Тогда смерть — удивительное приобретение. По-моему, если бы кому-нибудь предстояло выбрать ту ночь, в которую он спал так крепко, что даже не видел снов, и сравнить эту ночь

¹⁵ См. подробнее: С. А. Андреевский. Книга о смерти. М., 2005. С. 8.

с остальными ночами и днями своей жизни, и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, — то, я думаю, не только самый простой человек, но и сам великий царь нашел бы, что таких ночей было у него наперечет по сравнению с другими днями и ночами. Следовательно, если смерть такова, я тоже назову ее приобретением, потому что, таким образом, все время покажется не дольше одной ночи»¹⁶.

В христианской традиции, утверждающей существование загробной жизни, смерть выступает как предел, отделяющий одну жизнь (земную) от другой (загробной).

«Смерть имеет важное значение в жизни каждого человека, она есть предел, которым оканчивается время подвигов и начинается время воздаяния»¹⁷.

В христианской догматике идея преодоления смерти, идея воскрешения из мертвых относится к числу основополагающих идей. «Да, дивное подлинное явление представляет нам сама видимая природа. Зерно, брошенное в землю, гниет, разрушается, тлеет: и что же? Тем и кончается? Нет, никак! Оттуда прозябает, вырастает колос с новыми зернами, во всем подобными истлевшему. Не чудо ли это, достойное всего нашего внимания? Не очевидное ли это свидетельство того, что премудрый Творец в самой смерти полагает начало жизни и на разрушении создает новое бытие?»¹⁸.

В рассуждениях Л. Н. Толстого происходит разделение на существование и на истинную жизнь. Говоря о последней, он обращает внимание на то, что «человек начинает жить истинной жизнью, то есть поднимается на некоторую высоту над жизнью

¹⁶ См.: Платон. Диалоги. Перевод с древнегреческого. М., 2001. С. 31.

¹⁷ Цит. по: Закон Божий. В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 186.

¹⁸ Цит. по: Закон Божий. Т. 2. С. 189.

животной, и с этой высоты видит призрачность своего животного существования, неизбежно кончающегося смертью, видит, что существование его в плоскости обрывается со всех сторон пропастями, и, не признавая, что этот подъем в высоту и есть сама жизнь, ужасается перед тем, что он увидел с высоты. Вместо того чтобы, признав силу, поднимающую его в высоту, своей жизнью, идти по открывающемуся ему направлению, он ужасается перед тем, что открылось ему с высоты, и нарочно спускается вниз, ложится как можно ниже, чтобы не видеть обрывов, открывающихся ему. Но сила разумного сознания опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтобы опять не видеть, опять припадает к земле. Это продолжается до тех пор, пока он не признает, наконец, что для того, чтобы спастись от ужаса перед увлекающим его движением погибельной жизни, ему надо понять, что его движения в плоскости — его пространственное и временное существование — и есть его жизнь, и что жизнь его только в движении в высоту, что только с подчинением его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни»¹⁹.

В этих рассуждениях великого писателя отражены основные коллизии восприятия человеком жизни, ее смысла и ее завершенности (и незавершенности) во времени и пространстве. Человек, в конечном счете, обязан не только достойно прожить всю свою жизнь, но и достойно завершить ее, сделать все, что ему предначертано судьбой.

Не случайно Эрих Фромм называет дихотомию жизни и смерти «основной экзистенциальной дихотомией». «Тот факт, что предстоит умереть, — отмечает Эрих Фромм, — неотменим для человека. Человек осознает этот факт, и сила этого осознания

¹⁹ Л. Н. Толстой. О жизни. Собрание сочинений в 22 т. Т. 17. М., 1984. С. 57.

глубоко влияет на его жизнь»²⁰. Это рассуждение аксиоматично. Но на этом, пожалуй, заканчивается вся аксиоматичность, и дальше начинается разноголосица, начинается «мировоззренческий плюрализм». Как этот общепризнанный, не требующий доказательств факт влияет на человеческую жизнь?

И здесь приходят на память рассуждения М. Хайдеггера о смерти как венце человеческой жизни, делающей ее определенной целостностью и дающей возможность занять определенную позицию по отношению к этой целостности.

Человеческому существованию всегда должен сопутствовать, по мысли М. Хайдеггера, страх перед смертью, но этот страх не следует понимать тривиально, как какую-то временную слабость индивида или следствие плохого (чрезмерно грустного) настроения, вызванного теми или иными обстоятельствами. Страх является «фундаментальным обобщением человеческого бытия», понимаемого как «бытие — к — смерти»²¹.

Страх, как психологическая доминанта, не исчерпывает отношения к смерти. Оно многозначно. Помнить о смерти (*memento mori*), думать о ней и думать, что после нее, возможна ли жизнь после смерти и в какой форме (религиозный аспект), — все это, вместе взятое, входит в содержание дихотомии «жизнь и смерть».

Интересны рассуждения о смерти Генри Миллера: «Смерть. Она интриговала меня, поскольку последние десять лет я остро осознаю, что однажды умру. Прежде я почти никогда не задумывался о собственной смерти. Что я чувствую? Что думаю об этом? Что ж, никто ничего не знает о смерти! Полная пустота. Никто не воскресал из мертвых. Я так сильно люблю жизнь, что мне трудно себе предста-

²⁰ См.: Э. Фромм. Бегство от свободы. М., 2004. С. 352.

²¹ См.: М. Heidegger. Sein und Zeit. Saale, 1941. S. 49–53.

вить, как я с ней расстанусь. Смерть я рассматриваю как переход из одной формы существования в другую. Может быть, происходит перевоплощение, но, если это так, не думаю, что оно соответствует нашим представлениям о нем. То, что мы видим, — превращение. Мы не видим исчезновения. Одно переходит в другое. У меня нет страха перед смертью. Порой я даже зову ее. Иногда, лежа в постели, прекрасно себя чувствуя, говорю: «Сейчас пришло время умереть. Я чувствую себя превосходно, я полон сил. Пусть приходит сейчас. Я готов к встрече с ней». Так что должен относиться к ней как к случайному соседу в зале ожидания. Помните, что святой Франциск, умирая, сказал: «Братец Смерть, я о тебе все забыл. Должен написать стихотворение в честь брата Смерти». Какой замечательный путь к смерти! Что-то в этом духе чувствую и я»²².

О смерти и бессмертии есть интересные строчки у Е. Евтушенко: «На черта бессмертие, — вопрошает поэт, — если мы будем бессмертными стариками? Веселой старости нет, как нет приятной смерти. У веселящейся старости скребут на сердце кошки... А может быть, старость — это просто-напросто болезнь, которую тоже можно вылечить? Жизнь оскорбительно коротка... Жалкая крошка на ладони вечности. Человек часто умирает несчастливым только потому, что не успевает стать счастливым. Я сам ничего не успеваю, меня приводит в бешенство то, что я вынужден спать. Если человек в среднем живет 70 лет, то из них он спит целых 23 года! Черт знает что! А сколько пребывают в духовной спячке? А потом смерть — этот проклятый вечный сон?!»²³ Уверен, такого рода мысли посещают многих. И поэт точно

²² См.: Генри Миллер. Время убийц. СПб: Азбука-классика, 2005. С. 250.

²³ Е. Евтушенко. Политика — привилегия всех. М., 1990. С. 453.

их отразил в своем пассаже. Но грядущая перспектива может восприниматься людьми по-разному: или как неизбежная катастрофа, или как избавление и ожидаемое воздаяние.

Не обошел своим вниманием проблему отношения к смерти социолог Энтони Гидденс в своем исследовании сексуальной революции, хотя уделил ей явно незначительное внимание. В частности, он отметил, что «сексуальная активность выковала связь с конечностью существования индивида и в то же время несла в себе обещание ее иррелевантности, потому что, рассматриваемая в отношении цикла поколений, индивидуальная жизнь была частью широкого символического порядка.

Для нас сексуальность все еще несет в себе отголосок трансцендентного. И все же она обязана быть окруженной аурой ностальгии и разочарования. Цивилизация, увлеченная сексуальностью, – это такая цивилизация, где смерть становится лишенной своего значения; жизненная политика в этой точке подразумевает обновление духовности. С этой точки зрения сексуальность является не антитезой цивилизации, посвятившей себя экономическому росту и техническому контролю, а воплощением ее неудачи»²⁴.

Мысль о том, что увлечение сексуальностью лишает смерть своего значения, выглядит парадоксально. С ней в какой-то мере можно согласиться, если сексуальную активность можно рассматривать как какую-то временную поведенческую и психологическую динамику, отодвигающую проблему смерти, но не девальвирующую ее в массовом сознании.

Но есть еще и ситуативное отношение к смерти, продиктованное сложившимися в конкретных временных рамках обстоятельствами. Оно может существенно отличаться от того, которое обуславлива-

²⁴ Э. Гидденс. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современном обществе. СПб, 2004. С. 208.

ется ментальными ценностями и установками. Для иллюстрации приведу одно весьма характерное высказывание Сергея Говорухина: «Я как представляю, что мне еще лет тридцать жить, то страшно становится. Старики уходят, и я вслед за ними пошел бы с удовольствием. Не понимаю и не воспринимаю того мира, в котором мы все существуем. Не знаю, для чего жить. Кто все, что мы делаем, будет смотреть и читать? Растет поколение практиков и конформистов, совершенно бездуховное, не читающее книги, слушающее ужасную музыку»²⁵. Еще достаточно молодой и успешный в своей жизнедеятельности человек говорит о готовности уйти «с удовольствием» вместе с уходящими из жизни стариками потому, что он не понимает и не воспринимает того мира, в котором живет.

Религия, христианство в частности, дает людям надежду воскрешения из мертвых, подобно тому как воскрес Иисус Христос. Апостол Павел говорил в этой связи так: «Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо как смерть через человека, так через человека и воскресение из мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут.

Преодоление смерти Богочеловеком Христом, искупившим своей смертью грехи человечества, кладет конец господству смерти»²⁶.

В своем поиске созвучий в трактовке вечных тем я наткнулся на рассуждения замечательного русского писателя-фронтовика Ю. Бондарева в его знаменитых «Мгновениях». «Всю жизнь, – пишет Ю. Бондарев, – я был беспощаден к себе: до исступления писал нужные слова любви, радости и страдания, но в ту декабрьскую ночь, едва сдерживая отчаяние, понял, что к концу подаренного мне земного срока, думая о прощании со всем и всеми, не смог найти

²⁵ Цит. по: ЛГ, 2005. 12–18 октября. № 42. С. 10.

²⁶ См.: Закон Божий. В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 185.

тайну Слов, одетых в спасительную счастливую форму бессмертия общечеловеческой надежды. В эту ночь я особенно почувствовал свое бессилие перед великой тайной жизни и смерти»²⁷.

Знакомое ощущение собственного бессилия в попытках раскрыть эту тайну не означает, конечно, их бессмысленности. Художник, поэт, ученый не может остановиться в своем стремлении эту тайну постичь.

В книгах, где рассматриваются проблемы жизни, смерти и бессмертия, рассматриваются и другие вопросы человеческого бытия, в частности, связанные с возрастом. По существу в них идет речь о жизненных силах человека, которые с годами убывают, рождая для стареющего индивида массу разнообразных проблем. Для каждого человека, живущего в разных исторических условиях, повторяется ситуация, о которой писал К. Ясперс, характеризуя эпоху так называемого «осевого времени», когда «человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственной беспомощности»²⁸. «Осознание пределов своего индивидуального бытия и ограниченности своих жизненных сил, их неизбежного убывания по-разному влияет на поведение каждого индивида. Вновь актуализируется проблема смысла жизни. Смысл жизни можно рассматривать как пограничное образование, в котором сходятся воедино объективное и субъективное, сознание и бытие, идеальное и реальное. Так, идеальные представления человека содержат уникальные и неповторимые, ситуативно возникающие и надситуативные личностные смыслы и цели, но в то же время они невозможны без куль-

²⁷ Ю. Бондарев. В декабрьскую ночь // Слово. 2006. № 2. С. 108.

²⁸ См.: К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 33.

турно обусловленных образцов, стандартов, норм и ценностей, усвоенных человеком в процессе социализации. С другой стороны, идеальные образцы индивидуального сознания объективируются в социальном поведении субъекта, «выплескиваются» в социальный мир. Субъектность человека, благодаря наличию конкретных представлений о смысле жизни, приобретает определенную направленность. Таким образом, смысл жизни проявляется не только как система личностных ценностей, которые субъект стремится реализовать на практике, но и как основной регулятор его поведения»²⁹.

Для человека на завершающем витке его бытия неизбежно встает вопрос: сумел ли он реализовать себя, свои цели и замыслы, и есть ли еще для него возможности что-то сделать в этом направлении, что-то успеть. Возможны и другие варианты осознания своего вдруг наступившего нового возрастного состояния. Человек «идет вразнос», ему ничто не дорого, не мило. Он попадает в своеобразную гедонистическую ловушку, из которой вырваться ему непросто.

Есть и весьма пессимистический вариант, когда у человека опускаются руки и он начинает пассивно «плыть по течению», резко «сбавляя обороты», теряя вкус к жизни.

В своих рассуждениях о возрасте, о смерти и бессмертии я на какое-то время впал в уныние, то есть не смог оставаться в роли стороннего наблюдателя, исследователя проблемы. Попадая под власть невеселых настроений, я написал несколько стихотворений, в которых это новое и не знакомое мне ранее состояние получило отражение. Дав почитать их самым близким критикам (в первую очередь, как всегда, жене), я получил отрицательные отзывы.

²⁹ Т. А. Семилет. Эволюция социальной культуры жизненных сил личности. В кн.: Современное понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции. М., 2000. С. 81–82.

Стихи были признаны излишне пессимистичными. Встал вопрос: печатать их или не печатать. Конечно, не хотелось огорчать близких, с одной стороны, но и не хотелось представить дело таким образом, что грустных настроений не было вообще. Я принял соломоново решение: решил печатать, но не все. Самые печальные остались в столе. Тем более что свой пессимистический кризис я сумел преодолеть, но из песни слова не выбросишь³⁰. Случившаяся коллизия получила отражение в стихотворении «Везение» и некоторых других.

Где-то прочитал словосочетание «старческое примирение с жизнью», и мне показалось, что вернее было бы сказать «старческое примирение со смертью», не просто понять, но примириться, или, иначе говоря, принять ее неизбежность и примерить на себя и сказать, как сказал Андрей Битов: «Я уже был»³¹.

В предисловии книги «Психология возрастных кризисов» говорится, в частности, о том, что китайский иероглиф, обозначающий понятие «кризис», переводится двояко, как «опасность» и «возможность». Одно из значений греческого слова «кризис» — «суд». Не столько суд окружающих, выносящих те или иные оценочные суждения о поступках и поведении человека, но прежде всего суд над самим собой, который осуществляется нередко помимо нашей воли.

С позиций возрастной психологии пережитый мною кризис — обычное явление. Но для любого индивида, достигшего «серьезного» возраста, — это качественно новое явление, в основе которого, говоря словами Карла-Густава Юнга, лежит «сужение жизни». Ощущение и осознание этого нового для себя состояния не может не иметь болезненного ха-

³⁰ См. подробнее: В. Н. Иванов. Откровения. М., 2007, с. 10–18.

³¹ См.: Новый мир. 2015. № 3.

рактера, поскольку любой человек к нему, как правило, не готов и смиренно принять его не хочет. Тем более с учетом его сложности и неоднозначности.

У того же К.-Г. Юнга мы встречаем рассуждения о том, что «гигиеничнее видеть в смерти цель, к которой нужно стремиться, и что сопротивление этому является чем-то нездоровым и ненормальным, потому что оно делает вторую половину жизни бесцельной. Поэтому, исходя из точки зрения душевной гигиены, я нахожу чрезвычайно разумным все религии, которые имеют цель, стоящую над миром». И далее, «с психотерапевтической точки зрения было бы лучше, если бы мы могли думать, что смерть – это всего лишь переходный период, часть неизвестного большого и долгого процесса жизни»³².

Я по своему характеру и восприятию жизни был и остаюсь оптимистом. Но это отнюдь не означает, что мысли о бренности земной жизни меня не посещают. Хочется во всем быть честным перед моими будущими читателями.

Разговор с другом

Я думаю больше всего о смерти,
и все с большим удовольствием...

Л. Н. Толстой

Все не вечны — ясно и ежу,
В этой мысли ничего нет нового,
Ничего избыточно сурового
Я, признаться, в ней не нахожу.
Смерть — всего лишь краткое мгновение,
С ней приходит к людям избавление,
Пусть ее вообще никто не ждет,
Все равно она, увы, придет.
В этом нет ни у кого сомнения,

³² См.: К.-Г. Юнг. Жизненный рубеж // Психология возрастных кризисов. Хрестоматия / Сост. К.В. Сельгенок. Минск: Харвест, 2000. С. 473–474.

Точно в срок, без виз и приглашения,
Так что не горюй, живи спокойно,
А придет — встречай ее достойно.
Не куражась, но и не робея,
Постарайся подружиться с нею,
Пусть она не слишком привлекательна
И к тому ж не очень молода —
Будь с ней понежней и повнимательней,
С ней ты остаешься навсегда.
Все это достаточно бесспорно,
Согласись со мной, приятель мой,
И не зря об этом так упорно
Размышлял великий Лев Толстой.

Жизнь и смерть

Конец вы знаете: все умирают.

Фредерик Бегбердер

Жизнь и смерть. Жизнь и смерть. Жизнь и смерть.
От чего и когда предстоит умереть?
Что назначено мне, как и прочим, судьбою?
Эта мысль возникает порою,
Эта мысль не дает мне покоя,
Заставляя о прожитых годах жалеть
И о будущем думать с тоскою.
Жизнь и смерть. Жизнь и смерть. Жизнь и смерть.

Наша задача

Паниковать, мой друг, не надо,
На все спокойно нужно посмотреть,
Вполне возможно, где-то рядом
За спинами у нас гуляет смерть.
Конечно, нам с тобою не до смеха
И хочется быстрее ее спугнуть,

Чтобы она без всякого успеха
Сама ушла куда-нибудь.
Такое есть желанье у поэта,
Давай подумаем, как можно сделать это.

Смерть философа

Л. Н. М.

Чаша наполнялась, наполнялась
И внезапно вмиг перелилась.
Жизнь его, конечно, состоялась,
Но настало время — прервалась.
Мы его сегодня провожаем,
Как заведено, в последний раз,
Мы ему на верность присягаем,
Мы его, безгрешного, прощаем,
Может быть, и он прощает нас.

Январь 2005 г.

Скоротечность

В. К.

Ничто не ново и не вечно
Ни под звездой, ни под луной,
Жизнь наша слишком скоротечна,
Мы это чувствуем с тобой,
Мой друг старинный и сердечный,
Соратник мой.

Прощание с другом

Д. А. Ж.

Я ощущаю в грустные мгновенья,
Что этот человек готов покинуть нас.
На нем печать тоски и утомленья,
Он внутренне уже угас.
Я чувствую, что он в конце пути,
И мысленно шепчу ему: «Прости».
Он это тоже сердцем ощущает
И, уходя, всех нас прощает.

Снаряды судьбы

Безудержно, слепо стреляет судьба из орудий,
И падают первыми те, кто нужней:
Отчаянно смелые, честные, умные люди,
Без них будет дальше идти тяжелей,
Судьба продолжает стрелять из орудий...

Познание

Глубокий, вечный смысл событий
Как одержимый я искал,
От поисков и от открытий
Я вдруг устал.
 Что нам дает порой познание,
 Как взгляд, что устремляешь вдаль?
 Грехопаденье узнаванья
 И с ним печаль.
За жизнью, полной унижений,
Я по инерции слежу
И смысла нового в стремленье
Достичь вершин — не нахожу.
 И, успокоиться пытаюсь
 В неодолимой суете,
Я понемногу погружаюсь
В небытие.

Череда

Всему приходит свой конец,
Всем эта истина знакома,
Вчера — шагал ты под венец,
Проходит время — ты отец,
Являешь миру образец
Хозяина судьбы и дома.
Ты — дед, у роковой черты
Передаешь потомку эстафету,
И никаких тебе поблажек нету:
Пришел черед, и исчезаешь ты,
И Бог тебя зовет к ответу,
И на могиле у тебя цветы.

Смертельная тоска

Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.

Александр Блок

Как точно сказано: смертельная тоска,
Тоска, которая захватывает властно,
И думаешь, что прожил жизнь напрасно,
Что смерть пришла, хотя ты жив пока,
Но держит за душу тебя тоска,
Напоминая ежечасно,
Что жизнь твоя кипучая прошла,
И ты на все зриаешь безучастно,
И все вокруг — вселенская тоска.
И ей одной все сущее подвластно.
Тоска и смерть. И ты живой... пока.

Колокол вечности

Я сомневался в услышанном, видно, напрасно.
Что-то печальное словно на сердце легло.
Колокол вечности слышится людям не часто,
Но если слышится, стало быть, время пришло.

Признание

Признаюсь, что осознал намедни,
Лишь намедни грустно осознал:
Жизнь подходит к рубежу последнему,
За которым — горестный финал.
За которым — длинная дорога
Завершает свой беспечный бег.
И приходит обреченно к Богу
Бога позабывший человек.
И теперь за все свои деяния,
За сомненья или дерзкий спор,
Всепрощенье или наказание —
Предстоит услышать приговор.

Тайна

Александру Рыжову

На все вокруг взглянув внимательно,
Я так скажу, мои друзья,
Смерть не бывает обязательной
И предсказать ее нельзя.
Но если смерти приближение
Я как-то ощутить смогу,
Не выдам своего волнения
И тайну эту сберегу.
Когда же время расставания,
Внезапное для вас, придет,
За сокровенное молчание
Никто меня не упрекнет.

* * *

Приходит время подвести черту,
Сказать, что жизнь свою ты прожил
И прекращаешь эту маету,
Все сделанное грустно подытожив.
Пусть это никого не потревожит,
Но надобно сказать и подвести черту.

Предчувствие

Мне огорчать не хочется своих,
Своих родных, знакомых, близких,
Адресовать им свой последний стих
И просьбу вычеркнуть из списка
Мой ставший безголосым телефон,
Хотя, наверно, есть резон
Им обо всем сказать заранее,
Но так не хочется внимание
К своей персоне привлекать
И заставляя их суетиться,
Что неизбежно — то случится.
Об этом зная наперед,
Я говорю: пусть все произойдет
Как можно незаметнее и тише,

И если Бог меня услышит,
Он сделает неслышным мой уход.

* * *

Вдруг я не выдержу ниспосланный мне тест
И разорву с постылой жизнью нити,
На сельском кладбище меня похороните
И надо мной простой поставьте крест,
Коль разорву с постылой жизнью нити,
Не выдержав ниспосланный мне тест.

Последний час

Ты все равно придешь, зачем же не теперь?

Анна Ахматова

Я пока не упрятан на сельском погосте,
Видно, мне еще раз повезло,
Я в стихах написал, но почувствовал после,
Что печальное время мое подошло.
И коварно-жестокая гостья в передней,
Что меня так давно и уверенно ждет,
Вдруг заявит, что час наступает последний,
И меня от друзей навсегда уведет.

Избавление

Смерть — величайший математик,
ибо безошибочно решает все задачи.

В. О. Ключевский

Вспоминать о смерти неприлично,
И писать о смерти ни к чему,
Каждый с детства уяснил отлично,
Что в свой час она придет к нему.
Мне об этом, как и всем, известно,
Как и всем дано об этом знать,
Но считаю я вполне уместным
Кое-что о смерти написать.

Чтоб преодолеть предубежденье,
Чтобы страх предсмертный победить,
Нужно в смерти видеть избавленье,
Но приход ее не торопить.
Посмотрев на все вокруг спокойно,
Осознав, что дальше нет пути,
Встретить смерть без суеты, достойно
И в обнимку с ней от всех уйти.

Прощание

Я ушел от отчего порога,
Всю страну свою исколесил,
Но, признаюсь, никогда у Бога
Легкой жизни я не попросил.
Нынче время грустного итога
(Я не знаю, как его назвать),
Снисхожденья не прошу у Бога,
Все, что заслужил, — готов принять.
В этом нету никакой гордыни,
Против Бога я не погрешу,
Со своей судьбой смирившись ныне,
У Него прощенья попрошу.

Финал

Всех любя, спокойно умереть!

Сергей Есенин

Жизнь прожита. Я подвожу итог,
В оценках прошлого я и сейчас не волен.
Я сделал в этой жизни все, что мог,
И сделанным, пожалуй, не доволен.
 В ошибках прошлого есть и моя вина,
 Был опрометчив, часто бесшабашен,
 Мир разделял на «наших» и «не наших»
 И чашу горькую испил почти до дна.
Я попросил прощенья у друзей,
И чувствую, друзья меня прощают,
Они меня как прежде понимают
И память сохраняют в душе своей.

Я оправдания себе не нахожу
И не хочу трусливых проволочек,
Я все сказал и твердо ставлю точку.
И, всех любя, спокойно уйду.

Момент истины

Каждая свершающаяся на земле жизнь
раскрывает свой последний смысл только
в образе уготовленной ей судьбою смерти.

Ф. Степун

Жизнь хороша всегда,
Вы мне поверьте,
Но ясен смысл ее
Лишь на пороге смерти,
Когда ты свой удел
Узришь в своих деяньях,
Когда ты свой предел
Поймешь в своих страданиях,
Когда последний шаг
Вдруг завершит дорогу,
Когда твоя душа
Предстанет перед Богом,
И уяснишь тотчас,
Какую жизнь ты прожил,
И Бог в который раз
Тебя простит, быть может.

Точка или многоточие

«Вот и все», — так хочется сказать
И в сердцах поставить твердо точку,
И последней станет эта строчка,
Вам ее придется прочитать.
Может, кто-то скажет: рановато,
С «точкой» поспешил наш старый друг,
Потому и вышло плоховато,
Как-то очень рано, как-то вдруг.
Кто-то скажет: значит, так и нужно,
Автору всегда во всем видней,

Надоело или стало скучно,
И решил все завершить скорей.
Я готов к любому повороту,
И к оценке я готов к любой,
Понял кто-то иль не понял кто-то
Стих мой и серьезный и смешной.
Думая об этом между прочим,
Чувствуя реакцию друзей,
Я решил: поставлю многоточие,
Многоточие — всегда верней.

Будущие мемуары

Я многого еще не рассказал,
Поставив вместо точки многоточие.
Есть смысл, наверно, отложить финал,
Чтоб обо всем сказать предельно точно,
Не утаив от близких ничего
И не обидев никого.
Сажусь без всяких проволочек
И жду с надеждой новых строчек,
Которые из памяти всплывут,
И их я вынесу на суд.
Даст Бог, я кое-что еще успею
И мемуары дописать сумею,
Чтоб каждый, кто их прочитал,
Мог утверждать, что автор не наврал.
Такую я себе определил задачу
И должен выполнить ее — и не иначе!

Есть выход

Моим признаниям поверьте,
Я чувствую, что я изрядно сник
И вновь ведет меня в тупик
Все та же мысль о скорой смерти.
Ее непросто отогнать,
И соглашаться с ней непросто,
Но только место на погосте
Мне нынче рано занимать.
Пока перо еще в руке
И боль чужая сердце гложет,

Я в каждой нынешней строке
Найду спасение, быть может.
Пусть веру растерял слегка,
Но выход есть из тупика,
Конечно, если Бог поможет.

Уйти от страха

Есть простые умные слова,
Верные почти как дважды два,
Их произнести для тех, кто остается,
Смерть страшна для тех, кто остается,
Чтоб не вызывать обидный смех,
Я добавлю: даже не для всех.
И тогда все станет несомненным.
Люди есть — им море по колено
(Их поэт воспел в своих стихах),
Им вообще ни в чем не ведом страх.
Жизнь они другою меркой меряют,
В смерть свою они вообще не верят,
Верят, что, когда она придет,
Никогда, нигде их не найдет,
Потому для страха нет причины.
Жизнь для них — сплошные именины.
Значит, чтобы страх преодолеть
И понять, как мало значит смерть,
Оптимизм и бодрость сохранить,
Нужно, как они, раздольно жить.

Смерть и веселье

И весело переходили
В небытие!..

Марина Цветаева

Возможно ли такое? Я не знаю,
Но хочется порой понять,
Как, ощутив, что умираю,
Себе в печали отказать?
Предаться искренне веселью —
Как, почему, с какою целью?

Неужто жизнь не дорога,
А в смерти вовсе нет врага,
А что же есть? Спросил я друга
И получил такой ответ:
Есть избавление от бед
И всевозможных искушений,
Болезней, горестей, сомнений,
Она дает дорогу в рай,
Так, значит, весело ее встречай!

Преждевременный некролог

На днях решил я подвести итог,
Представить, что посмертно скажут,
Как ближние меня уважают,
И набросал примерный некролог.
Наверно, скажут обо мне,
Что жил на свете умный дядя,
Стихи писал не денег ради
И истин не искал в вине.
Жизнь скрупулезно изучал,
Иллюзиям не предавался,
От века своего не отставал,
Но в новый век не очень рвался.
Порой бывал и зол, и смел,
Во многом в жизни разобрался
И, грустно отойдя от дел,
Отчаянью не предавался.
Всегда надежным в дружбе был,
Плечо свое умел подставить,
Конечно, мог себя прославить,
Но смысла в том не находил.
Прочтя спокойно некролог,
Решил: с ним можно согласиться,
Но чтоб соответствовать, придется потрудиться,
А значит, рано подводить итог.

В чем дело?

В чем дело? Почему не спится?
Я задаю себе вопрос.
Что суждено, то и случится,

И смысла нету вешать нос,
О грустном думать, суетиться
И драгоценный сон терять,
О светлом лучше помечтать,
И никуда не торопиться,
И по ночам спокойно спать,
А днем размеренно трудиться,
Жить, как советовал мудрец,
Не приближая свой конец,
Который все равно случится.

Везенье

*Mors certa, hora incerta*³³

Я снова жизнь свою продлил.
И рад тому, как рады дети,
И поживу на этом свете,
Который мне как прежде мил.
Тружусь не покладая рук,
И мысль о смерти не тревожит,
О ней мне думать недосуг,
Хотя вокруг меня все то же.
Но грусть сумел я отогнать,
И заменил хандру работой,
И продолжаю сочинять
Почти что с прежнею охотой.
И с тайной мыслью притом,
Что смерть не будет торопиться,
Не скоро посетит мой дом
И я успею потрудиться
(Для тех, кто будет дальше жить
В едва начавшемся столетье)
И некролог приличный заслужить,
Не помышляя о бессмертии.

В финале

В финале странствия земного
Так много хочется сказать,

³³ Известно, что смерть придет, но не известно когда (*лат.*).

Свой опыт, знания передать
Кому-то близкому, родному...
Быть может, и не одному,
Но как себе сказать: кому,
Кто понести сумеет эстафету?
Наверно, есть такой,
Наверно, — нету.

* * *

Удачный эвфемизм, не знаю кто нашел,
Не говорят: он умер, — он ушел,
А это значит, может быть, когда-то
Вернется он в родимые пенаты.

Жизнь прекрасна

Мысль эта не нова, но безупречна,
Ее почаще нужно повторять:
Жизнь потому прекрасна, что конечна,
И смысла нет бессмертия желать,
На сверхъестественное что-то уповать
И к Богу обращаться бесконечно,
Да, жизнь прекрасна, но не вечна,
Такой ее и надо принимать.

Summa summarum (выводы, зарисовки, пожелания)

Жизнь прекрасна и удивительна!

Владимир Маяковский

Живите так, чтобы другим стало
скучно, когда вы умрете.

Дон Аминадо, русский поэт-сатирик (1888–1957 гг.)

Живи так ярко, как только можешь.

Ошо, индийский духовный лидер (1931–1990 гг.)

Итак, юбилей как некий промежуточный итог. Его содержание предполагает оценки современников и потомков. О последних мы, как правило, думаем редко, что нас, разумеется, не украшает, но *c'est la vie*. Юбиляру в первую очередь важны оценки его близких и коллег, не менее важны и самооценки, рождающиеся размышлениями «о времени и о себе» в этом времени. Хорошо сказала Виктория Токарева: «Писатель — немножко проповедник. Если проповедь скучна, паства разбежится»³⁴. То же самое можно сказать и о поэте, даже, может быть, и в большей мере. Утверждая, призывая, привлекающая, поэт несет свою идею в «непоэтическую толщу масс» и находит в них отклик или не находит. А если и находит, то, как правило, не у всех.

Ученый, трудящийся на ниве общественных наук, также обращается к сознанию читающей публики и также рассчитывает как минимум на понимание. Но здесь ситуация более сложная. К оценке его труда примешивается социальный интерес читателя. Последний, знакомясь с выводами ученого, со-

³⁴ См. В. Токарева. Муля, кого ты привез? СПб, 2015. С. 250.

глашается или не соглашается с ними в зависимости от того, как это соотносится с его жизненной ситуацией, гражданской позицией, перспективами. Негативная реакция его «паствы» — в неприятии идей ученого, в несогласии с ними. Прав ли ученый или правы его критики, может показать только время. Юбилей же — это некая демонстрация позитивного отношения к нему, которое может носить ситуативный (ритуальный) характер. Но все-таки в своей основе все, что говорят ораторы на юбилеях, имеет под собой определенное основание.

С юбилеем связано осознание того, что

Пути земные коротки,
Их смыслы видятся невнятно,
Они запутанны и непонятны,
Полны и радости и горестной тоски,
И все же жаль, что слишком коротки.

Мысль о завершении пути появляется все чаще. И сам себе ставишь вопрос: на чем следует сосредоточиться, что поставить во главу угла, ощущая, что жизнь все больше напоминает шагреновую кожу? В чем спасение? Как всегда, в работе, в увлечениях, если они сохранились. Вообще говоря, увлеченность продлевает жизнь. Не знаю, кому принадлежит эта мысль, но, как мне представляется, она верна. Иногда выручает юмор. Конечно, хочется все завершить на оптимистической ноте. Пусть это и нелегко, но как-то привычнее. Как заметил нобелевский лауреат академик Жорес Алферов: «Мы страна оптимистов, пессимисты все уехали». Мы оптимисты еще и потому, что есть кому передать эстафету, есть дети и внуки, а иногда и правнуки, есть молодые единомышленники, есть ученики. Так что все закономерно. Хочется напоследок задать себе и некоторые уточняющие вопросы, и среди них, например, такой:

Если спросят меня, испытал ли я радость
И дарил ли я радость другим, —

Я отвечу, печалью томим:
Было то и другое, но самую малость.

Хотя как знать, какое здесь возможно измерение. Хочется поделиться и некоторыми соображениями общего характера с молодыми. Назвать вопросы, на которые пока не найдены ответы. И, передав им эстафету, уйти, не уходя.

Конечно, подводя итоги, юбиляр думает не только о том, что удалось или не удалось совершить, но и о таких вечных темах, как любовь и смерть. Причем о первой как о прошлом (главным образом), а о второй как о неизбежной перспективе.

Накануне своего 80-летия я издал книгу, посвященную любви, где попытался высказаться на эту тему. То, что касается второй, то ее предстоит по-настоящему осмыслить, поскольку она приобретает все большую актуальность.

Lebenswein ist ausgeschenkt³⁵ (нем. — вино жизни пролито) — это одна ситуация. Но есть и другая: Lebenswein ist ausgetrunken — вино жизни выпито. Общее в этом то, что его уже нет. Но ощущения при этом разные. Вино выпито — человек сумел себя реализовать. Вино разлито — не сумел. Сожаления из-за отсутствия вина имеют разную эмоциональную окраску и способны вызвать разную поведенческую реакцию.

У Джека Лондона есть рассуждения о «жизненной закваске», которая со временем иссякает. Это объективно, это происходит у всех. Но вопрос в том, на что это «жизненная закваска» была потрачена. На него каждый отвечает сам себе, своим близким, коллегам и т.п.

³⁵ См: В. Шекспир. Макбет, нем. перевод.

В свое время знаменитый датский философ С. Кьеркегор писал о страхе греха. Если такой страх в молодые годы почти не ощущается, то в зрелые его вероятность явно возрастает, хотя соблазнов вроде бы становится меньше, здравомыслия больше (а может быть, и мудрости), но, как говорят: «Седина в бороду — бес в ребро». Возможно, это все-таки не слишком типично, но все же имеет место быть.

Известный российский психолог, член-корреспондент РАН А.В. Юревич как-то заметил: «Человек копит всю свою жизнь две вещи – деньги и статус, а обесценивать статусные иерархии еще хуже, чем превращать в бумагу денежные накопления»³⁶.

Статус человека в обществе (коллективе) определяется не только и даже не столько его служебным положением, сколько его человеческими качествами, его авторитетом. В зрелые годы все это приобретает особое значение и нередко нейтрализует легкомысленные порывы. «Мир чувств широк, да ты уже не тот»³⁷.

Понять себя восьмидесятилетнего. Вспоминаются стихи Маяковского: «Иду красивый, двадцатидвухлетний». Что бы он сказал, доживи до старческих седин? Иду красивый — восьмидесятилетний! Не уверен, что это правдоподобно. Конечно, главное в этом словосочетании, что «иду».

Бывают в жизни перемены,
Способные у многих вызвать страх,
Но я, как прежде, выхожу на сцену
И ухожу на собственных ногах.

Пока без палочки, и это уже хорошо. Есть желание работать. Есть замыслы. Есть встречи с друзь-

³⁶ См. подробнее: А. В. Юревич. Психологи тоже шутят. М., 2012. С. 285.

³⁷ См.: М. Чердынцев. Просто остановиться на углу улицы. М., 2013. С. 28.

ями. Выступления с чтением стихов. Обычные лекции, правда, последних стало меньше: не хватает времени, хотя приглашений не стало меньше. Случается бессонница, а это значит — одолевают воспоминания, мысли о прошлом.

Есть в прошлом некая магическая сила,
Что возвращает нас к нему опять,
Но не о всем, что в молодости было,
Мне хочется сегодня вспоминать.

Есть такие в жизни моменты, вспоминать о которых не хочется. Но они были, и от этого никуда не уйдешь, и не сказать о них нельзя.

Мемуары

Мотив моих писаний прост:
Сказать о том, что видел, с кем встречался
И поднимал за что, случалось, тост,
С кем враждовал, в кого влюблялся,
Себя для молодых открыть
И кое-что напомнить старым,
Все рассказать и ничего не скрыть,
И потому сажусь за мемуары.

Юбилей

Юбилей — на душе как-то стало тревожно,
Словно держишь за всё в этой жизни ответ,
Юбилей — это грусть, что прибавилось лет,
Юбилей — это радость, что многое можно.

Восьмидесятилетие — 1

Эта дата — не синоним страха,
А скорей — синоним легкой грусти,
Возраст — это только самочувствие,
Цифры — это только для Госстраха.

Восьмидесятилетие – 2

Возраст сексуальных авантюр,
Возраст безответственной забавы,
Возраст размышлений, тихой славы,
Возраст выступлений без купюр.

* * *

«Победная борьба», увы, не состоялась,
Но значит ли, что жизнь не удалась?
Надежда зло сломить какая-то осталась
И с нашим прошлым трепетная связь.
И я не думаю, что жизнь не удалась,
Хотя победою борьба не увенчалась.

Предназначение

Эта мысль проста, но очень значима,
Отразит ее мой новый стих:
Человеку свыше предназначено
Сделать в жизни что-то для других.

* * *

Не нужно юбилейных штампов,
Претит дежурных фраз елей,
Ценнее громких дифирамбов
Скупая искренность друзей.

Другу

В. Д. Королеву

Мой друг, нам сильно повезло,
Судьба нас встречей одарила,
Пусть многое теперь ушло,
Но важно то, что в жизни было.

Сомнение

Ты и время. Подружиться удалось ли?
Кажется порой, что не совсем,
Ты пришел к нему как будто в гости,
И у вас так мало общих тем.

Вопрос

Являя честность и старательность,
Я для себя стремился уяснить:
Жить — повинуюсь обстоятельствам,
Или пытаюсь их переломить?

Как жить?

В. К. Сергееву

Как все же жить и для чего?
Вопрос поныне остается,
И нам с тобою на него
Пред миром отвечать придется,
А чтоб сказать не наугад,
Полезно посмотреть назад
И, прочитав минувшего заметки,
Понять, как жили наши предки,
И у меня сомнений нет:
Здесь следует искать ответ.

Неизбежность

Вопроса нет — «быть или не быть»,
Он сам решается помимо нашей воли,
Но как избавиться от вдруг возникшей боли
И как смириться с тем, что надо уходить?

Антиномия

Молодым не свойственна рачительность,
Кажется, что юность навсегда,

Но внезапно сознаешь мучительно,
Что промчались юные года.
И итог не то чтобы внушительный,
И сомнения приходят вдруг,
И настрой, похожий на испуг,
Забирает в плен тебя стремительно.

Робость

Думаю о прошлом суеверно,
Чувствую ответственности груз,
Делать выводы о нем порой боюсь:
Истина бывает многомерна.

Метаморфозы возрастные

Когда-то все случилось в первый раз
И новизна меня пленяла,
Сердце радостью беспечной наполняло,
В объятия новой женщины бросало,
Увы! Совсем не то в душе моей сейчас,
Расчет и собранность, как будто перед боем,
И всё под хладным разума контролем,
Сумевшим распознать любви секрет,
И радости былой в помине нет.

Предфинальный парадокс

Бог в сердце мне не поселил вражду,
Врагов своих я искренно прощаю,
Всё неизбежное спокойно принимаю,
Ждать больше нечего — я понимаю,
Но всё равно еще чего-то жду.

Мой «секрет»

Мой бесхитростный секрет
Вас, возможно, позабавит:
Я вполне приличный прадед,
Но плохой отец и дед.

Оправдание

Пусть это будет оправданьем
Греховной юности моей,
Что нынче, на закате дней,
Согреть кого-то есть желанье.

Смерть

Я соглашусь с определением:
Смерть — это сон без пробуждения,
И весь наш трудный жизни путь
Ведет к тому, чтобы уснуть,
И говорю без сожаления:
Уснуть — и всё, без пробуждения.

* * *

От смерти и любви никто не скрылся.

Публий Сир

От смерти — да, но от любви — возможно
Уйти, сокрыться, убежать,
Наверно, это следует признать,
Такое, право же, кому-то удавалось
И пусть нечасто, но случалось.
Об этом знает не один поэт,
Но в бегстве этом смысла нет.
И, старый текст по новой прочитав,
Я понял, что Сир Публий прав.

Счастье

Понимание приходит в срок,
В молодости или чаще в старости,
Счастье — это маленькие радости,
Что тебе внезапно дарит Бог.

* * *

Желанье быть живым,
Желанье быть любимым —

Одно желанье, а не два,
Хотя и разные слова,
Но смыслы их неразделимы.

* * *

Я скажу вам, ни больше ни меньше,
Может, прозой, а если удастся, стихами, —
Прелесть жизни и прелесть общения с женщиной
Познаются лишь только с годами.

Ностальгия

Ностальгия — это не тоска,
Ностальгия — это осмысление,
Ностальгия — это возвращение
В память, что в тебе живет пока.

* * *

Стремительно летят года,
Считаю их равнодушно,
Но если мне на службе скучно,
То, значит, едем не туда.

* * *

Из этого времени я не бегу,
Но, в нем оставаясь, о прошлом мечтаю,
На милость Всевышнего не уповаю,
Но веру в Любовь и Добро берегу.

* * *

Что в прошлом? — мой нелегкий путь,
Дел и ошибок грустное наследство.
Что хочется из прошлого вернуть?
Сказать по совести, пожалуй, только детство.

Ученики

Я их еще при встрече узнаю,
Они со мной подчеркнута любезны,
Я их учил, а нынче сознаю,
Что им мои советы бесполезны.

* * *

Тайну времени, тайну народной судьбы
Я пытался раскрыть — получалось не часто,
Но стремленья мои, верю я, не напрасны,
В них есть отзвуки нашей за правду борьбы.

Самообольщение

В огромной массе тех, кто нынче пишет,
Я затеряться не боюсь.
Пусть критики меня сегодня не услышат,
Придет пора — меня услышит Русь!

Нериторический вопрос

Да есть ли старость для поэта?

Денис Давыдов

Я часто думаю об этом:
Возможна ль старость для поэта?
И вывод делаю, что нет,
Коль постарел — ты не поэт.

Эрос

Тайный зов страстей...

Данте

Эрос правит юностью твоей,
В авантюры разные бросает,
Круг твоих любимых и друзей

Он, коварный, сам определяет,
Но с годами, покуражась власть
Над твоей любовью и судьбою,
Он сдается, правда, не без боя,
И свою, увы, теряет власть.
Новый в жизни зазвучит мотив,
Ты его пока еще не знаешь
И, сполна свободу получив,
Радости совсем не ощущаешь.

Любовь

(взгляд юбиляра)

К познанию Истины стремясь упорно,
На склоне лет увидел, грешный, я,
Что именно Любовь, чиста и благородна, —
И смысл, и цель, и радость бытия.

Дар Божий

Мы рождаемся для любви.

Василий Розанов

«В этот мир мы пришли для любви», —
Эту мысль я прочел, эту мысль я услышал.
И в созвучии с ней рассужденья мои:
В жизни нет ничего ни важней и ни выше
Нам подаренной Богом любви.

Секс — 2

Еще в те времена, когда я с комсомолом
Решал серьезные проблемы бытия,
Я ощутил: секс должен быть веселым,
И эту мысль пронес по жизни я.

Оправдание

Пусть скажут: он греховно жил,
Но я прошу, примите к сведенью,

Что если в юности грешил,
То только по неведенью.

* * *

Не знаю, есть ли смысл напоминать
Моей давно не юной братии:
Есть время женщин обнимать
И время уклоняться от объятий.

Постулат

Мысль эта, без сомнения, верна,
Она как будто с Истиной повенчана:
Мужчине все-таки нужна
Одна-единственная женщина.

Вечный двигатель

Сыну Денису

Забудь сомнения свои,
Где слюбится и где-то стерпится,
Все крутится вокруг любви,
Вокруг любви все вертится.

Надежда

Буду ли когда-нибудь услышан,
Буду ль понят я своей страной?
Я признаюсь как романтик бывший,
Что надеюсь все-таки порой.

Благодарность

Спасибо всем, кто вдохновлял,
Меня на дело побуждал,
В часы сомненья поддержал,
По-дружески критиковал.
Я их заботою храним,
Спасибо им!

* * *

Неужели это все
И пора поставить точку?
Или все-таки отсрочку
Бог подарит мне еще?

Упование

Я на житейское везение
Не перестану уповать
И мой последний день рождения
Прошу последним не считать.

Жизнь удалась

Пусть всё от кризиса шатается,
Я убежденно говорю:
Жизнь, как и прежде, продолжается,
Друзья по праздникам встречаются,
Стихи мои еще читаются,
Романы иногда случаются,
К науке не утасла страсть,
И вывод делаю:
Жизнь удалась!

* * *

Я говорю уже не в первый раз:
Не надо ничего откладывать на завтра,
Все нужно делать сразу, в тот же час,
С напором, радостно, азартно,
Пока огонь желанья не утас,
Не надо ничего откладывать на завтра.

Доброта

Мудрость — это длительный процесс
обучения доброте.

Дженнифер Джеймс

Люди мало думают о вечности,
Все во власти мелкой суеты,

Людам не хватает человечности,
Нежности, заботливой сердечности,
Людам не хватает доброты.

Парадокс

Я понял наконец на склоне дней,
Взглянув на прошлое внимательней и строже:
Мир в изначальной сущности своей
И раньше, и теперь — один и тот же.

Здесь и сейчас

Если воля есть на то Господня,
Если пыл любовный не угас,
Полной жизнью надо жить сегодня,
Надо жить сегодня и сейчас!

Совет юбиляра

Даже если ты в конце пути,
Даже если многое не мило,
Улыбнись тому, что в жизни было,
И свои грехи себе прости.

Не надо злиться!

Пока мы злимся на жизнь, она проходит.

Л. Б. Либединская

На жизнь не надо злиться никогда,
Она какая есть — другой не будет,
Пусть нас не раздражает ерунда,
Не огорчают ненароком люди.
Жизнь пролетит, как к ней ни относись,
Пройдут и радость, и страданья
И на мольбу твою «Не торопись», —
Она не обратит внимания.
И на призыв: «Остановись», —
Она никак не ответится,

Но ты цени и праздную жизнь,
Что нам однажды на земле дается!

Не унывать!

Жить без улыбки — несерьезно,
Хотя не все вокруг смешно,
Бывает грустно и тревожно,
Бывает, понимаешь поздно,
Что все-таки произошло.
На Божью уповая милость,
Хочу коллег своих призвать:
Что б в нашей жизни ни случилось, —
Не унывать!

* * *

Пишу в надежде, что когда-нибудь,
Пройдя сквозь исторические тернии,
Потомки вновь читать стихи начнут
И наши потревожат тени.

Эстафета

Не помню, кто в стихах своих отметил,
Что на последнем жизненном витке
Все видится в каком-то новом свете,
И близкое, и то, что вдалеке.
И ценится всё как-то по-иному,
И время хочется слегка притормозить,
И эстафету передать другому,
Но, уходя... Не уходить.

Коллеги-юбиляры, перешагнувшие рубеж 80-летия

Афанасьев Владимир Александрович, старший научный сотрудник, старейший участник научно-исследовательского проекта «Как живешь, Россия?».

Он повзрослел в года глухие
И смело бросился «в народ»,
Он знает, как живет Россия,
И знание это щедро отдает.

Дмитриев Анатолий Васильевич, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социс» (1986–1994), автор книги «Социология юмора» и многих других.

Благодаря ему (так получилось)
Социология смеяться научилась,
И важно, что коллега мой
Нас научил смеяться над собой,
И стали мы немного веселей,
Раскованней, активней и мудрей,
И смех звучит не только на застолье.
Спасибо Вам, дружище Анатолий!

Дробижева Леокадия Михайловна, доктор исторических наук, директор Института социологии РАН (2000–2005).

Пусть искренность сегодня не важна,
Но вы меня не обессудьте,
Я говорю, что в этом институте
По праву царствует она.

Капто Александр Семенович, доктор философских наук, руководитель кафедры гуманитарных и социальных наук ЮНЕСКО, автор книги «Перекрестки жизни» и многих других.

Ты не из тех, кто задремал в тиши,
Ты отдавать себя делам умеешь
И потому нисколько не стареешь
И трудишься, как прежде, от души.
Ты в философском не плывешь тумане,
Слова твои и чувства горячи,
Тебя любили раньше киевляне,
А нынче любят москвичи.
И, «Перекрестки» прочитав повторно,
Я истину глубинную постиг:
Себе, любимому, нерукотворный
Ты этой книгой памятник воздвиг!

Лапин Николай Иванович, член-корреспондент РАН, директор Института социологических исследований АН СССР (1972), автор книг «Динамика ценностей населения реформируемой России», «Пути России: социокультурные трансформации» и многих других.

К нему давно ученый наш народ
Относится с огромным уважением,
Он заслужил его, без всякого сомненья,
За то, что ценностный обосновал подход,
Конечно, и за многое другое.
Он нынче трудится, не ведая покоя,
В нем и сейчас энергия кипит,
Он еще многое в науке совершит.
Его за смелость, Господи, прости!
Он для России начертал пути.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, директор ИСПИ РАН, президент Российской академии социальных наук, инициатор возрождения социологии как самостоятельной науки в СССР.

В научных преуспел делах,
И неспроста считают многие,
Что он и нынче патриарх
Зачатой им социологии.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, председатель профсоюзного комитета ИСПИ РАН.

Пускай живем мы небогато,
Но нет сомнения ни в ком,
Что наши скромные зарплаты
Сумеет защитить профком.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социс», автор книги «Парадоксальный человек» и многих других.

Он скрупулезно и с воодушевленьем
Годами изучал наш грешный век,
И мы узнали с удивленьем,
Что есть «парадоксальный человек».

Ядов Владимир Александрович, доктор филологических наук, директор Института социологии РАН (1988–2000).

Об этом забывать не надо,
Что среди тех, кто поднимал

Социологию на новый пьедестал,
Был изначально и Владимир Ядов.
Мы с уважением об этом говорим
И искренне его благодарим.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. В. Дмитриев, В. Н. Иванов, Ж. Т. Тощенко. Социологическая мозаика: серьезная, забавная, поэтическая³⁸. М., 2013.
2. А. В. Дмитриев. Социология юмора. Очерки. М., 1996.
3. А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. Смех. Социологический анализ. М., 2007.
4. В. Н. Иванов. До и после юбилея. М., 2004.
5. В. Н. Иванов. Откровения. М., 2007.
6. В. Н. Иванов. Четвертушки. М., 2014.
7. Ж. Т. Тощенко. Пародоксальный человек. М., 2001.
8. А. В. Юревич. Психологи тоже шутят. М., 2012.

³⁸ Книга написана к 45-летию юбилею Института социологии РАН.

Содержание

От автора.	5
«Социология» юбилеев.	6
Юбилейная ретроспектива (информация для обобщения).	15
Постюбилейная «перспектива» (информация к размышлениям).	36
Summa summarum (выводы, зарисовки, пожелания)	62

Литературно-художественное издание

Вилен Николаевич Иванов

Библиотечка юбиляра

Юбилеи

(заметки социолога)

Компьютерная верстка – В.А. Кузаева

Корректор – Е.А. Якимова

Дизайн обложки – А.А. Аверьянов

Подписано в печать 22.06.2015 г.

Формат 84x108/32

Гарнитура «Georgia».

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,6. Тираж 500 экз.

Заказ № 675.

ISBN 978-5-906787-92-7

ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва

ул. Большая Никитская, д. 50а/5,

тел.: (495) 690-67-19

www.uniki.ru